

Вечернее небо было пасмурным; по нему медленно плыли огромные массивы тяжелых черных туч.

Мы с Королёвым задрали головы к небу. Вражеских самолетов видно не было, слышался лишь рокот авиационных двигателей. Очевидно, на очень большой высоте летел не один, а сразу несколько бомбардировщиков.

Зенитные орудия, размещенные на крышах зданий Кремля, открыли по небу яростный огонь. Глядя на эту беспорядочную стрельбу, я невольно горько усмехнулась.

«Даже не видят, где враг, палят в небо наугад — какой в этом толк?» — подумала я.

С самого начала воздушной тревоги люди из здания комендатуры один за другим выбегали наружу и через широкую площадь спешили к убежищу на другом конце, чтобы укрыться от налета. Полковник Безиков, видя, что эвакуация из здания почти завершена, подошел к нам и спросил укоризненным тоном:

— Почему вы до сих пор не в укрытии?

Королёв не ответил на вопрос, а спросил в свою очередь:

— Москву часто подвергают налетам?

— Да, начиная с двадцать второго июля немецкая авиация непрерывно совершает налеты на город. К сожалению, наших самолетов слишком мало, и мы не в силах помешать врагу вторгаться в воздушное пространство столицы.

Пока они разговаривали, я снова принялась оглядываться по сторонам, любясь видами. На Красной площади я бывала бесчисленное множество раз, а вот в сам Кремль зайти случалось не всегда. Раз уж представилась такая редкая возможность, нужно использовать её по полной и всё хорошенько осмотреть, ведь кто знает, когда ещё выпадет такой шанс — может, «в год обезьяны и месяц лошади», то есть не скоро.

Я изо всех сил пыталась вспомнить, как называется эта площадь, на которой я стою. Соборная или как-то иначе? Названия здесь довольно труднопроизносимые, и мне кажется, я никогда не выговаривала их правильно. Возвышающаяся посреди площади колокольня Ивана Великого — сейчас самое высокое здание в Москве и, полагаю, лучший ориентир для люфтваффе при наведении на Кремль. Рядом с колокольней стоит огромный Царь-колокол, знаменитый на весь мир «король колоколов». Этот гигант весом в двести тонн треснул при первой же попытке в

него ударить, а отвалившийся осколок высотой больше человеческого роста. Я посмотрела на него издали: пространства внутри колокола предостаточно; если немецкие бомбардировщики начнут сбрасывать груз, внутри него будет вполне безопасно.

Неподалеку стояло еще одно огромное старинное орудие — Царь-пушка, созданная в XVI веке. Длинной 5,35 метра, калибром 890 миллиметров и весом в 40 тонн, она изначально предназначалась для защиты переправ через Москву-реку и ворот Спасской башни, но ей так и не довелось выстрелить. Рядом с пушкой лежали гигантские круглые ядра; если сдать их в металлолом, за них наверняка можно выручить немалые деньги.

— Парашютисты! Немецкие самолеты сбросили десант! — вдруг кто-то громко закричал.

Я задрала голову, всматриваясь в небо, но не успела еще ничего разобрать, как почувствовала, что кто-то с силой схватил меня за плечо. Тут же раздался знакомый голос Королёва, напряженно вопрошавший:

— Парашютисты?! Где они, ты видишь?!

Из темных туч медленно опускался раскрытый купол парашюта. Я, вытаращив глаза, следила за небом, но, кроме этого единственного купола, других парашютов пока видно не было. Я сосредоточенно наблюдала за плавным снижением: под стропами раскачивался какой-то овальный предмет, который издали действительно можно было принять за человеческую фигуру.

— Нет, не похоже на десантника. Какой немцам прок сбрасывать одного-единственного парашютиста? — недоуменно предположила я. — Неужели это пилот со сбитого немецкого самолета? Но я, кажется, не видела, чтобы какая-то из вражеских машин была подбита и падала.

Тем временем часовые, оставшиеся нести службу на площади и не ушедшие в укрытия, гурьбой бросились в центр Соборной площади. Они вскинули винтовки и пистолеты-пулеметы, открыв по медленно опускающемуся объекту яростный огонь.

Глядя на парашют, который становился всё ниже и ниже, я внезапно прозрела: это никакой не парашютист, это сброшенная немцами тяжелая бомба! В документальных фильмах о войне из будущего часто можно увидеть, как авиация сбрасывает такие фугасы на парашютах; после их приземления позиции противника превращаются в море огня.

— Не стреляйте! Рассыпьте немедленно! Это бомба! — в отчаянии закричала я во весь голос. Но мой крик утонул в треске выстрелов и грохоте зениток. Люди продолжали иступленно палить в небо.

Если эта бомба получит попадание в воздухе и произойдет воздушный подрыв, внизу не останется ни одного безопасного угла — все присутствующие неизбежно погибнут или будут

тяжело ранены. Я вцепилась в руку Безикова, изо всей силы затрясла её и закричала ему прямо в ухо:

— Это не парашютист! Немедленно прикажите прекратить огонь! Если бомба взорвется сейчас, нам всем конец!

Безиков запрыгнул на стол у входа в комендатуру, выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов в воздух.

— Слушай мою команду! — заорал он, напрягая связки до предела. — Прекратить огонь! Это бомба! Всем лечь!

Я схватила Королёва за руку и повалила его вместе с собой на землю.

— Грох! — оглушительный взрыв прогремел совсем рядом. Земля под ногами содрогнулась в мощном конвое, но вскоре вновь замерла. Я распласталась на земле, крепко зажав уши ладонями, и изо всех сил пыталась сдержать невыносимую муку, вызванную тем, как дрожь почвы передавалась внутренним органам. На этом фоне боль от ударов разлетающихся осколков и обломков, градом осыпавших мое тело, казалась совсем ничтожной.

Я видела, как люди один за другим начали подниматься. Я тоже попыталась встать, но едва выпрямилась, как мир вокруг закружился, к горлу подступила тошнота, и я была вынуждена снова медленно осесть на корточки. Опустив взгляд, я заметила на земле перед собой не только каменную крошку, но и окровавленный обломок деревянного приклада. Судя по всему, когда бомба сдетонировала, потери среди находившихся на площади часовых оказались немалыми.

Королёв, лежавший рядом, подошел и подхватил меня под локоть. С его помощью я с трудом вновь поднялась на ноги. Я спросила его: не пора ли нам возвращаться в гостиницу? Он тоже что-то ответил, но мои уши из-за недавнего взрыва временно оглохли. Я не слышала ничего: ни его слов, ни собственного голоса. Лишь когда он прильнул к самому моему уху и громко прокричал, я поняла его слова:

— Налет окончен, нам пора возвращаться в гостиницу!

Я увидела полковника Безикова, который стоял у края дымящейся воронки, осматривая место происшествия. Раненых и погибших бойцов уже спешно уносили на носилках прибывшие медики. Я сказала Королёву:

— Дядя Павел, давайте и мы подойдем посмотрим. Он кивнул и, поддерживая меня, шатающуюся из стороны в сторону, направился к воронке.

Безиков застыл у края, отрешенно глядя в черную бездну развороченной земли. Он даже не

заметил, как мы подошли вплотную. Когда кто-то из бойцов подошел к нему с докладом, он никак не отреагировал — казалось, человек совершенно лишился чувств от шока.

— Дядя Павел, — я прильнула к уху Королёва и тихо спросила: — Что с ним такое?

— Тсс! Потихе, — так же шепотом ответил Королёв. — Ты не понимаешь. Немецкий самолет сегодня прорвался прямо к Кремлю и сбросил бомбу. Теперь все командиры, отвечающие здесь за ПВО и охрану, пойдут под трибунал или получают суровое взыскание.

— Какое еще взыскание? — я сочла такие порядки слишком уж бесчеловечными. Враг сейчас обладает огромной силой, и нашей армии пока трудно его сдерживать. И за то, что один самолет случайно прорвался к Кремлю, наказывать ответственных за охрану? Да кто после такого вообще рискнет здесь работать?

— Обычно отправляют в исправительно-трудовые лагеря или расстреливают, — с суровым выражением лица ответил мне Королёв.

— Что?! — я невольно вздрогнула. Подобное наказание казалось слишком уж жестоким. Неудивительно, что полковник Безиков сейчас стоит как истукан перед этой дымящейся едкой гарью воронкой, совершенно лишившись чувств.

— Безиков! — внезапно раздался голос с тяжелым грузинским акцентом по ту сторону воронки. Я посмотрела на источник звука и не поверила своим глазам: это был Сталин. Он стоял прямо напротив нас и тоже осматривал свежий кратер. В паре шагов за его спиной замерло несколько охранников в штатском.

— Товарищ Сталин! — Безиков мгновенно вышел из оцепенения и, вытянувшись в струнку, отдал честь.

— Ну, как здесь? — спросил Сталин, нахмурив брови. — Жертвы есть?

— Никак нет, товарищ Сталин, — ложь Безикова прозвучала настолько уверенно, что в ней нельзя было уловить ни тени сомнения. — Ни единого человека.

Сталин удовлетворенно кивнул, развернулся и быстрым шагом направился к ближайшему зданию. Сопровождавшие его сотрудники охраны тут же последовали за ним.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/16020/1429219>